Крепкие орешки

Георгий Костылев

SHOUT
SHARE
IT

- Костылев Георгий

Костылев Георгий
Крепкие орешки

Георгий Костылев
Крепкие орешки
Кто
здесь не бывал, кто не
рисковал,
Кто сам
себя не испытал,
Наверное,
нас уже никогда не
поймет!
Поймут,
может быть, отец и брат,
Друган,
который прошел Афган,
Так
выпьем за тех, кто уже
никогда не придет!
Солдатская песня

Вот так все и началось для 303-го Сибирского батальона. Сели пить чай -- а получили мясорубку.

Собственно, началось все значительно раньше. 6 августа в свирепом встречном бою погиб командир батальона, майор Сова, погиб начальник разведки, полегли трое моих зенитчиков, четверо бойцов разведвзвода и башенный стрелок БТР из первой роты. "Борцы за независимость" не досчитались тридцати своих абреков, был сорван удар по комендатуре города Аргуна, уже в красках расписанный по телевидению московскими саботажниками. Мы ошпарили бандитов ливнем стали из своих минометов, кое-как раскачался бурятский ОМОН, и противники, ворча стволами, разошлись, унося раненых.

Бандиты нашли и вернули всех наших мертвецов -- случай в истории чеченской войны беспрецедентный. Причиной тому был не избыток благородства -- дезорганизованное бандитское войско желало побыстрее свинтить, а единственная автодорога на юг роскошно простреливалась огнем нашего батальона. Баш на баш -- в ночь на 7 августа грузовики с бандитами ушли на юг. А кажется, с чего бы? В бою 6 августа их было 300 против наших тридцати.

Король умер -- да здравствует король! Вечером 13 августа

бандгруппа Хаттаба скрытно окружила расположение батальона. Впрочем, насчет скрытно -это с их точки зрения. Утром 13-го два наших БТРа проскочили до комендатуры -- решить пару организационных вопросов. Во втором из них находился я. Сказать, что мне было плохо, -- значит не сказать ничего. С лета 1995 года меня крутило перед каждым боем, как белье в центрифуге. Я был уверен, что нашей мангруппе крышка, и не поверил собственным глазам, когда БТРы без помех вошли на территорию части.

-- Дмитриевич, ну-ка посмотри, что там на крыше цеха? -- без предисловий начал исполняющий обязанности комбата капитан Олег Иванов, едва я спрыгнул с брони.

Господь Бог одарил капитана Иванова тремя качествами, исключительно необходимыми офицеру: выдержкой, тактом и здравым смыслом. К 13 августа ситуация в управлении батальона сложилась редкая, если не сказать анекдотическая ("все это было бы смешно, когда бы не было так грустно"): комбат погиб, первый зам (капитан Андрей Барановский) тяжело ранен, замполит -- по делам на Большой земле, начштаба -- вакантная, начальник разведки -убит, начбой -- отсутствует, зампотех -- в госпитале (контужен), зампотыл -непонятно где и вообще как офицер ничего из себя не представляет.

Закон тайги суров, но гибок: без сходок, собраний и обсуждений командование батальоном по всеобщему молчаливому согласию было возложено на Иванова, имевшего, пожалуй, самый невоенный статус в части: заместитель командира по правовым вопросам, т. е. военюрист. Не только военный, но и просто полевой опыт Олега равнялся круглому нулю: всю дорогу он прослужил в комендатуре замполитом. Но в противовес этому сокрушительному недостатку он обладал редчайшим для командира достоинством: умением не мешать подчиненным.

В бинокль БМ8х30 отчетливо просматривались установленный на крыше цеха автоматический гранатомет АГС-17 с пристегнутой "улиткой"* и мешкообразная фигура рядом с ним.

-- Команди-и-ир! -- раздался вопль моего наводчика ЗУ-23, отнюдь не образцового солдата, но парня бедового и решительного. -- Я их вижу, разрешите огонь!

Простенком ниже крыши, за пыльными стеклами цеха, угадывалась какая-то нездоровая суета.

-- Гранатомет АГС на крыше, сто процентов, -- спокойно сказал я Иванову, опуская бинокль.

Одновременно рядом звонко стукнула винтовка, и сразу же вслед за ней дважды коротко рявкнула моя зенитная пушка. Не

тратя времени на выяснения, кто скомандовал, а кто стрелял, я вновь вскинул бинокль к глазам: бандитский АГС исчез, сметенный с крыши вместе с ограждением и вентиляционной трубой, а в остеклении верхнего этажа зияли дыры. Что-то подсказало мне довернуть бинокль левее. Лестничная коробка цеха была двусветной: стеклянные стены с востока и запада, поэтому я успел четко засечь, как двое в серо-зеленом под руки тащили вниз третьего.

И -- тишина. Стрелять больше было не по кому. Но когда я опустил бинокль, ощущение необъяснимой угрозы, терзавшее меня с утра, бесследно исчезло. Вероятность переросла в реальность: драка будет, но встречу я ее в роскошном окопе, а это, по военным меркам, просто подарок судьбы.

Облегчение, которое испытываешь при этом открытии, не сравнимо ни с чем, даже если сто бандитов в это самое время прилежно стараются отстрелить тебе голову. Я проверял -- этим проклятым чутьем на предстоящую заваруху в батальоне, кроме меня, не обладал никто. Поэтому не удивительно, что мой сияющий вид воспринимался встревоженными людьми, мягко говоря, неадекватно. Я и так-то слыл в батальоне оригиналом, не матерился в разговоре с подчиненными, читал на досуге Боевой устав вместо "Спид-Инфо" и с аппетитом кушал змейку, если удавалось таковую поймать; а тут -- стрельба, несомненно, готовящееся нападение, а батальонный пушкарь, верста, мать его, коломенская, -- руки в брюки, рот до ушей, кепи набекрень, насвистывая, вразвалочку топает к себе на батарею. Вынужден согласиться, выглядел я со стороны дурак дураком; впрочем, на что на что, а на это мне всегда было глубоко наплевать.

Знавший меня лучше других капитан Манжуров, командир третьей стрелковой роты, пристально посмотрел на меня глубоко посаженными серо-голубыми глазами, вынул изо рта хабарик и внес предложение, подкупающее своей простотой:

-- Митрич, а не выпить ли нам чифиру? Я там шоколадку заначил.

Несмотря на, казалось бы, очевидную дикость подобного предложения (караул! Бандюки под носом! К оружию, товарищи!), я с готовностью согласился. Во-первых, все, что можно было сделать для отражения нападения, было сделано давным-давно, а прессовать необстрелянных бойцов беготней и суетой с суровым лицом а-ля Шварценеггер -- наилучший способ скособочить им и нервы и мозги еще до первых выстрелов, да и фальшива вся эта псевдоактивность до отвращения. А во-вторых, чифир у Андрея Васильевича Манжурова всегда был превосходен. Дав бойцам команду укрыться, я с чистой совестью направился в "чайхану".

Чайхана "У Васильича" размещалась в закутке, образованном углом двухметрового бетонного забора и маленьким одноэтажным кирпичным домиком, на крыше которого под легким навесом прищурилась двумя своими стволами 23-миллиметровая зенитная автоматическая пушка ЗУ-23-2А12 (круто, правда? Жаль, коротковат индекс!). Под растянутыми плащ-палатками стоял аккуратный столик, реквизированный в разграбленной дотла канцелярии завода "Красный молот", и десяток стульев; ВПК -- военно-полевой комфорт.

Как бывший работник общепита, заявляю: истинно благородный чифир, в меру крепкий, в меру горьковатый и в то же время ароматный, умеют заварить только две категории граждан: зэки и те, кто их охраняет. А Васильич отбарабанил в конвое таки порядочно. Так вот, покамест я прихлебываю чай, самое время пояснить один момент, который, возможно, вызвал у вас недоумение. Насчет сурового лица и "Чапаев винтовку сорвал со стены: ребята, не время досматривать сны! ". Это, чтобы в дальнейшем было понятнее.

Находясь на переднем крае не день, не два, а недели и месяцы, всеобщую и неослабную боевую готовность поддержать невозможно. Люди, даже солдаты, даже семижильные Русские Солдаты, должны периодически спать, есть, ходить в туалет (а не за угол траншеи), играть в домино, шашки и "двадцать одно", а не то их боеспособность может резко понизиться. Крыша поедет, проще говоря. Читайте Эриха Марию Ремарка -- там все написано, а лучше классика не скажешь.

Мудрый Боевой устав предусмотрел подобную ситуацию, обязав отцов-командиров назначать на позициях наблюдателей и дежурные огневые средства. Если пара-тройка хлопцев добросовестно бдит у пулеметов и пушек, а еще несколько особо зорких пасут окрестности через оптику, то внезапный рывок противника абсолютно исключен, тем более -- днем. С другой стороны, даже если присутствие противника обнаружено, то это отнюдь не значит, что можно бить его влет, без приказа на то старшего. Парадоксальность этой ситуации -- вот он, враг, а стрелять -- не моги! -- на чеченской войне принимала порой совершенно абсурдные формы. Проще было получить по шее за выстрел по противнику, чем за проигранный бой или потерю бойцов.

(Мой знакомый, командир минометного взвода 305-го батальона, выплатил штраф за две несанкционированно выпущенных мины, как за утраченное без уважительных причин вооружение, т. е. в десятикратном размере. Учтите, я не шучу.)

И вот в этой-то неоднозначной тактической паузе -- от

визуального контакта до команды "огонь! " -- не имея возможности влиять на события, вести себя можно по-разному. Есть категория начальников, как правило, это разнообразные помы и замы, наказанная Богом особой формой мании величия. Их заботит не то, что и как они делают, а то, как они при этом выглядят и что о них думают окружающие. За их суровыми лицами, пронзительными взорами и металлическими голосами всегда прячется страх, как бы кто не забыл, что Я -начальник! начальник!! Начальник!!! Этот страх, усугубляемый обычно профессиональной некомпетентностью, такие фрукты маскируют суетой, показной требовательностью и матерной руганью. Эта насквозь фальшивая и трусливая суета носит в армии презрительное название ИБД -- имитация бурной деятельности. Имитаторы настолько озабочены сохранением чеканной монументальности своего облика, что на решение прозаических вопросов, типа: где раздобыть заградительных мин? как одолеть бельевую, пардон, вошь? -времени у них уже не остается. Благодарение Богу, ареал обитания этой разновидности приматов обычно далек от мест, где их навороченный камуфляж может попортить окопная грязь или, скажем, разрывная пуля.

А можно не суетиться. При первом же выстреле свободная смена орудийных расчетов самостоятельно вооружилась и заняла укрытия у своих орудий, так что моя команда прозвучала, по существу, вдогонку; вероятные цели для минометов были определены заранее, боеприпасы подготовлены -- одним словом, как на картине у Верещагина: пусть войдут! Вниманию и выучке своих солдат я доверял, а по собственному боевому опыту знал, что основа успеха в бою -это выдержка и хладнокровие. Можете соглашаться со мной или не соглашаться, но, по-моему, вид командира батареи, невозмутимо попивающего чаек, больше способствует сохранению душевного равновесия, чем беготня и вопли о бдительности.

Кстати, о естественных надобностях. В десяти шагах от "чайханы" красовался аккуратный сортирчик нашей батареи, предмет зависти всего батальона. По причине дефицита досок он был по периметру обшит рубероидом. Именно сюда кишечник, не желающий осознавать всю остроту момента, привел водителя батарейного ГАЗ-66 рядового Байрамова. Примерно через пару минут (мы все еще наслаждались чайком) справа от меня бетонный забор просекла бело-желтая вспышка, и порция осколков пополам с бетонным крошевом ушла в туалет вслед за Байрамовым -- прямо сквозь рубероид. Я максимально осторожно (чай-то горячий) поставил кружку на стол и поднялся в рост. Из дверей туалета так же не спеша вышел Байрамов, деловито

поддернул штаны и задумчиво прокомментировал ситуацию:

-- А ведь был запор!

И мгновенно исчез в направлении своей огневой, громыхая на ходу бронежилетом и оружием.

Бой начался.

Я прикурил. Слева от меня в положении низкого старта замер расчет зенитной пушки. Я посмотрел на лица -- никакого страха; спокойное ожидание и суровая решимость. А пацанам было по 18-- 20 лет, и в бою они не были НИ РАЗУ.

Я пустил сквозь зубы дым и подал первую с начала боя команду:

-- Не суетись! -- и полез по приставной лесенке на артплощадку, осмотреться.

Почему я сразу не подал зенитчикам команду "к бою", я в тот момент даже не задумывался. Изучать в бинокль обстановку, имея рядом оседлавший пушку расчет, мне никто не мешал; разобраться с этим грубейшим нарушением устава я смог, только взобравшись на крышу.

Выскочив на крышу, я удостоился чести лицезреть ад. Я знаю, что такое обстрел, а что такое абзац, когда пули, кажется, можно ловить руками, как дождевые капли. Гремело отовсюду, на всю катушку, в три слоя, вдребезги, в душу мать. Треск автоматных и пулеметных очередей слился в сплошной рокот и отступил куда-то на задний план, превратившись просто в шумовой фон, подавленный и перекрытый адским грохотом рвущихся гранатометных боеприпасов всех типов -- подствольных ВОГ-25, автоматических ВОГ-17, противотанковых ПГ-7 и ПГ-9. Огонь чеченских гранатометчиков был так густ, что время от времени взрывы наседали один на другой, как пьяницы в давке за водкой, сливаясь в один громовой раскат. Сорвавшаяся с цепи смерть выла, хрипела, стонала и визжала, брызжа во все стороны ядовитой слюной и норовя распороть все живое своими грязными крючковатыми когтями.

Лирическое отступление 1

... Начальник столовой, сержант контрактной службы Игорь Набирухин, спал в своей каптерке и видел сны. Впоследствии, нервно прихлебывая водку, он так и не смог внятно объяснить, что за дикий кошмар подбросил его с койки и вышвырнул вон, под крылечко, за секунду до того, как в дверной проем влетела управляемая противотанковая ракета "фагот", превратив содержимое кладовой в творение сумасшедшего повара-сюрреалиста. Факт остается фактом: из каптерки он выпал до, а не после взрыва, иначе мешанина из квашеной капусты, печенья и макарон была бы обильно приправлена его собственными

потрохами...

После первых же выстрелов бойцы заняли свои места на огневых или, по крайней мере, убрались с открытых пространств -- это было проконтролировано. Но никому (мне в том числе) не пришло в голову вспомнить о часовом у входа в караульное помещение. Часовой стоял за короткой Г-образной кирпичной стенкой в рост человека, примыкавшей к высокой, в два этажа, глухой стене гаража. В какой-то степени можно понять, почему не нюхавшие пороха офицеры считали эту стенку защитой, но я-то, старая полевая крыса, прекрасно знал, что осколки гранат ВОГ-25 и ВОГ-17 уверенно валят людей при разрыве и сзади, и сбоку, и сверху. В первые же секунды боя штук шесть гранат врезались в стену гаража, окатив часового потоком рваной стали; на крики о помощи бросился Паша, санинструктор-контрактник, прилетевший из Грозного буквально за пару часов до боя. Он не успел еще толком начать перевязку, как новой лавиной осколков его убило наповал...

Зенитные автоматы, в силу их специфического назначения, практически невозможно по-настоящему защитить от пуль и осколков. Как минимум два ключевых номера -- наводчик и прицельный -- торчат над бруствером, как тополь на Плющихе. И хотя железная логика боя требует, чтобы офицер как можно дольше оставался в живых, у меня язык не повернулся послать к орудию расчет, не попробовав предварительно уцелеть в этой свистопляске самому. В противном случае мне до конца дней моих пришлось бы ходить небритым: я просто не смог бы смотреть на себя в зеркало.

Дежурный наблюдатель, заряжающий Фазлиахметов, деловито постукивал из автомата. Так же деловито, негромко, скупо постукивал весь батальон. И это было гут, ибо беспорядочная пальба во что попало и во что ни попадя есть симптом клинический, начало конца. Хлопцы еще только примеривались, нужно было их слегка воодушевить. Ну-с, приступим!

Я в кресле наводчика, и шестикратный прицел скачком приближает дома, кусты и беспорядочно брошенную дорожно-строительную технику. Страху нет, один задор. Страх был до первого выстрела, страх придет после последнего. Происходящее вокруг воспринимается совершенно отстраненно, разум словно отодвинулся куда-то в глубь зрительного зала, с удобством устроившись на галерке. А бурлящий водоворот боевого азарта громыхал вокруг меня на полных оборотах, лязгая, как большегрузный состав; восторг и жажда убийства смешались в адскую реактивную струю, и мы ревели на пару с автоматом -- он

сквозь жерла стволов, я -- сквозь оскаленные зубы.

Тут и там в прицельных линзах подрагивали белесые вспышки выстрелов. Первую очередь я влепил в окно низкого кирпичного дома, что-то вроде коровника с двускатной крышей. Спусковая педаль зенитной пушки, во избежание случайных выстрелов, сделана тугой и с большим свободным ходом; но в этот раз мне показалось, что я жал на нее целую минуту, прежде чем автомат заговорил.

Взревев, как разъяренный дракон, пушка извергла в противника струю взрывчатки и стали. Зенитный автомат, в отличие от пехотного оружия, не строчит, не стучит и не хлопает -- он именно ревет, ухо не в состоянии уловить паузы между выстрелами при суммарной скорострельности двух стволов в 2400 выстрелов в минуту. Соответственно вся отправленная получателю доза взрывается почти одновременно. Изо всех окон, дверей и щелей коровника выбило струю пыли и каких-то лохмотьев, словно я расстреливал гигантский мучной мешок. В считанные секунды я расколошматил фасад, смешав укрывшихся в нем боевиков с битым кирпичом. Держу пари, такой подлянки правоверные не ожидали.

Рывком перебрасываю стволы на 15-00 вправо. Автомат стал продолжением моих нервов; нас не интересует бандитская шпана -- мы играем по-крупному. В двухстах пятидесяти метрах, за неровным пустырем, -- длинный гараж-депо дорожно-строительной автоколонны. И что-то солидное гвоздит по нас именно оттуда, перекрывая гулким перестуком автоматно-пулеметную трескотню.

Вот он -- мерцание крупной бледной вспышки, басовитый грохот автоматического гранатомета. Мучачо засел в кирпичной надстройке на три окна, видимо, бывшей диспетчерской гаража. Мы с Фазой едва успели сменить коробки с лентами, когда артплощадка буквально заплясала под ногами, рубероидный навес рвануло клочьями и что-то где-то куда-то посыпалось. Я отметил это -- не более...

Лирическое отступление 2

... В "избушке", на крыше которой мы устраивали корриду, находилась пулеметная точка третьей роты, а за дощатой перегородкой -- батарейная каптерка, в которой помимо прочего барахла валялся и мой вещмешок с вещами "третьей" необходимости.

Среди множества приспособлений и устройств, разработанных человеком для отстрела ближнего своего, есть такая симпатичная штука -- станковый противотанковый гранатомет СПГ-9, или, по западной кличке, безоткатное орудие.

Его осколочно-фугасная граната, как водится, дает фонтан осколков, а бронебойная -- струю раскаленных газов, прожигающих преграду и воспламеняющих все, что за ней находится. По-видимому, именно такой гостинец пожаловал в амбразуру пулеметчиков, поскольку, несмотря на мощный взрыв, ребята отделались только контузиями и царапинами из-за разнесенной в щепки переборки. А вот каптерка весело заполыхала, аннулировав десятка три противогазов, кое-какое тряпье и мое свидетельство о браке, расторгнутом Ленинским народным судом г. Владивостока в 93-м году и почему-то до сих пор мною не выброшенное. Таким образом, жирная точка в моей непутевой семейной жизни была поставлена ни более, ни менее, как волею Аллаха. Аллах акбар!

В военно-художественной литературе мне не раз попадался стилистический оборот "слился с оружием в единое целое". Не знаю, понимали ли авторы прочитанных мною книг смысл этой фразы, но я не раз пережил это непередаваемое ощущение лично и могу лишь повториться -- оно непередаваемо. Это когда цепочка прицел -- глаз -- мозг -- рука -- механизм наводки -ствол вдруг незаметно для вас сокращается всего до двух звеньев: глаз -ствол. Вам стоит только заметить цель, и прицельная марка магическим образом накладывается на нее, безо всяких видимых с вашей стороны усилий. Педаль! Бронебойно-фугасный коктейль гаснет в проеме вражеской амбразуры, вышвыривая наружу какие-то лоскутья и брызги малиновых искр. Буквально в сантиметрах от линии прицеливания, над окопом братков-пехотинцев из третьей геройской роты, возвышался железобетонный столб ЛЭП, и при малейшей моей ошибке снаряды, предназначенные бандитам, рванули бы над головой наших бойцов; при малейшем же моем промедлении чингачгук достал бы нас с Фазлиахметовым.

Позже Фаза рассказывал в батарее, что капитан Костылев, расстреливая бандитский АГС, улыбался блаженной улыбкой идиота, как дурачок на ярмарке. Не удивлюсь, если так оно и было -- Бог свидетель, такого наслаждения я не испытывал никогда.

Дуэль с бандитом длилась не более десяти секунд; одну заправку в сто снарядов автомат хрумкает за две с половиной секунды при непрерывной стрельбе, а я дал три-четыре коротких очереди с поправкой наводки. От басурмана осталась пригоршня стреляных гильз, растоптанная лужа крови и головная повязка цвета исламского знамени с какой-то абракадаброй по-арабски. Аллах акбар!

Вся моя личная война заняла минут десять -- двенадцать максимум, но результат сказался. Пока ревут пушки и ухают

минометы, на душе пехотинцев спокойней, тем более что мастерство моих пушкарей в батальоне котировалось по самому высшему баллу. Ответный огонь батальона стал четким, уверенным и организованным. Ребята вспомнили все, чему их учили, и работали на подавление по системе "кучей на одного", что от них и требовалось. Первый отчаянный огневой натиск бандитов не увенчался успехом. Я стряхнул с себя остатки опасений за исход боя, сунул за пазуху бинокль, чтобы не болтался на шее, и сиганул с крыши.

-- Ну что, кто стрелять-то должен? -- тщательно изобразив недовольство (едино только из педагогических целей), спросил я командира зенитного расчета, сержанта Солдатова, выжидательно смотревшего на меня из-под каски. -- Я за вас по супостату пулять не буду!

Будучи с разведывательной миссией в Москве в 1940 году, британский журналист и агент военно-морской разведки Йен Флеминг, будущий литературный отец Джеймса Бонда, писал в отчете, оценивая боеспособность русских солдат: "... эти невысокие крутые ребята с бесстрастными лицами будут для противника крепким орешком... " Их немало прошло передо мной -- высоких и низкорослых, ярких и незаметных, колючих и безответных -- все они, видит Бог, были крутые ребята и чертовски крепкие орешки.

У сержанта Солдатова была парочка недостатков (как и у меня, грешного, допустим), но мужества и отваги ему было не занимать.

-- Короче! Ты -- на подаче, все остальные -- бейте ленты! -- командир расчета обезьяной взлетел на артплощадку. И восемь часов боя -- от звонка до звонка -- они с Фазой отработали на пушке вдвоем, так и не пустив под огонь ни одного из бойцов младшего призыва, хотя оба были матерыми "дедушками"*. Так что, неуважаемый Комитет солдатских матерей, дедовщина бывает разной, и дедушки -- тоже. Тот, который 13 августа дрался с бандитами на пушке No 1, мало походил на ангела -- невысокий малый с невыразительным лицом, острый на язык и не дурак подраться. Но он ОТВЕЧАЛ за своих ребят и ради их шкур подставлял под огонь свою. Крутой парень, крепкий орешек!

Я обернулся к "избушке" -- о, карамба! За те 12-- 15 минут, что прошли с начала боя, нашу площадку исковыряли гранатами вдоль и поперек; навскидку я оценил количество попаданий в 25-- 30, из них не менее десяти бронебойных, отметивших стены тонкими, в сигарету толщиной, сквозными пробоинами в кирпичных стенах. На выходе эта смешная дырочка дает такой газодинамический удар, что у людей вылетают глаза и лопаются

нервы. Бруствер разворотило, станок пушки был пробит пулями, внутри избушки упало все, что стояло, но пушка и станковый пулемет в амбразуре гвоздили весело и зло, словно насмехаясь над шквальным огнем бандитов. Я не знаю, почему ни в пулеметчиков, ни в пушкарей так ни разу и не попали. Есть у меня одна гипотеза, да уж больно она ненаучна. Вы о берсерках что-нибудь слыхали? Ладно, проехали.

Так! Настало-таки время поработать главным калибром; "если кто и друг пехоты, это -- хлопцы с минометом". ВЗВО-О-ОД! К БОЮ!

В сорок первом дорогу инфантерии вермахта прокладывали не танки и не пикирующие бомбардировщики, а скромный работяга-миномет калибра 81,4мм. Так вот же они, голубчики, -- "длинная рука пехоты", три миномета БМ-37, точно такие же, как в вермахте, но калибра 82 мм. Пустячок, а приятно. Но к делу.

Для того, чтобы метко стрелять из миномета (гаубицы, полевой пушки), недостаточно уметь совместить цель и прицельную марку, тем более что цели-то сплошь и рядом вообще не видно. Это, кстати, хорошо, когда не видно -значит, и противник тебя не видит. Так вот, вертеть маховики наводки -- дело десятое, хотя и это не так просто. Чтобы довертеть их до правильной цифры, ее еще нужно рассчитать, а чтобы ее рассчитать, нужно, как минимум, дружить с математикой и всенепременно обладать отточенным пространственным воображением. Я не шучу -- людям, лишенным этих качеств, в артиллерии делать нечего; это -- работа для "головастиков".

Я сдавал данные для стрельбы со скоростью карточного шулера на банке и тем не менее не успел додиктовать установки для минометов No 2 и 3, когда миномет No 1 старшего сержанта Шкварчука уже поприветствовал Хаттаба, отправив в гости к правоверным десятифунтовый хвостатый подарок. А через несколько секунд разговорились и два сибиряка, два брата-акробата, Олег и Константин Сурановы, второй и третий расчеты.

Взвод завелся с пол-оборота; огневая словно взорвалась фонтаном огня -на волю вырвалась сжатая неделями тренировок и ожидания энергия лучших в мире солдат, сибиряков, дальневосточников и уральцев -- крутых парней, крепких орешков. Гвоздили мастерски, изощренно, с рассеиванием по фронту и в глубину, накрывая одну огневую точку за другой. Только что злобно плевавшуюся бандитскую амбразуру вдруг заволакивало мутной завесой тротиловой гари, и противник в мгновение ока исчезал под рухнувшей с неба лавиной взрывчатки.

-- Угол забора, влево пять, прицел два -- двенадцать! По

пятерочке -очередь! -- И два миномета за десять секунд вываливали на вражеский огневой расчет сорок пять килограммов чугуна и тротила. А осколки от мин -- ох и рва-аные...

Я мог бы слушать бодрое уханье минометов бесконечно, смакуя смерть и разрушение, тщательно передвигая падающие с неба столбы мин к новым и новым целям. В эти минуты я ощущал себя почти что Богом -- колонка цифр, команда -- и эпицентр математического убийства послушно передвинулся вслед за крестообразной маркой моего бинокля, и еще один, два, несколько воинов Аллаха отправились по Алмазному Мосту в страну, где анаша всегда бесплатно. Но восторга на войне, как и в жизни вообще, -- минуты, а работы -- часы.

С минометной огневой отлично просматривалась артплощадка автомата No 2. Там что-то шло явно не в масть, ребята сидели, стояли и двигались не там и не так. Я собрал свои кости в кучу и побежал. Если кто-то считает войну романтическим предприятием, мой ему совет -- прислушайтесь к своему телу; оно не обманет! Я не считаю господина Солженицына ни великим писателем, ни историком, ни философом, ни тем более пророком -- но, тем не менее, на войне он был и кое-что все-таки видел. Так вот, "задыхающаяся рысца" (см. "Архипелаг ГУЛАГ") -- весьма верное определение пешего броска под огнем на расстояние от пятидесяти шагов и более. Неписаный (вернее, ненаписанный, к сожалению, до сих пор Боевой устав пехоты) категоричен: под плотным прямым огнем противника пехотинец делает пять-- десять шагов -- бегом, естественно, -- на ЕДИНОМ дыхании, под прикрытием огня напарника, и тут же плюхается в заранее выбранное укрытие -- в ямку, за кочку, под кустик, валун и т. д., в готовности прикрыть огнем перебежку напарника. В моем случае этот вариант никак не прокатывал: во-первых, попробуй-ка прикрой от огня со всех абсолютно сторон, даже если у тебя не один, а десять напарников, а во-вторых, все сто двадцать метров до автомата No 2 представляли собой гладкую, как стол, бетонированную площадку. Когда-то, до демократии, на ней упражнялись в вождении будущие операторы скреперов. Пришла демократия, исчезло вождение, исчезли к чертовой матери скреперы вместе с остатками дорог, а площадка осталась. Слов нет, полтораста метров можно пересечь молнией, если вы накануне, и не только накануне, хорошо спали ночью и беспечально трудились днем, если жена -- красавица, дети -- золото, начальник -- отец родной, а за щекой -- залог успеха в виде "дирола" с ксилитом без сахара.

Если вы меня поняли, то дальше объяснять нет смысла, а если нет -перечитайте еще раз эпиграф, ибо сказано: не мечите

жемчуг перед свиньями-все равно потопчут его ногами. Не поймут.

Когда я влетел в свою крошечную палатку, расположенную в двадцати шагах от артплощадки, сердце норовило выскочить изо рта и ускакать куда-то в сторону Дагестана. Набрасывая разгрузочный жилет с магазинами и вешая на плечо автомат, я отнюдь не воображал, что мой личный огневой вклад в общее дело внесет глобальный перелом в ход и исход боя. Вообще, довольно забавно смотреть со стороны на определенную категорию офицеров, озабоченных демонстрацией собственной воинственности, как-то: крутыми нашивками, головными повязками и метанием ручных гранат в противника, которого нет (см. выше). Главным оружием офицера любого ранга в современном бою являются бинокль, радиостанция и мозги, причем отсутствие последних невозможно компенсировать даже бицепсами толщиной в слоновью ногу. Но без "калашникова" и полутора -- двух десятков магазинов к нему чувствуешь себя, как без штанов, -- что есть, то есть. Так что я привел себя в боевой порядок и змеей метнулся на артплощадку.

Лирическое отступление 3

Возился я с оружием и жилетом секунд пятнадцать--двадцать, но за краткое это время успел получить пять или шесть сокрушительных ударов по ушам и по легким от разрывов гранат, воткнувшихся в стену гаража в двадцати шагах от меня. Вот теперь-то, не занятый непосредственно ведением боя, я прочувствовал, и то по касательной, каково под таким огнем "безработному", т. е. бойцу, которому никто не удосужился объяснить его обязанности в бою -ведь я-то свои обязанности знал, я всего лишь на секунду отвлекся от их выполнения!

На моем пути от палатки до огневой позиции зенитчиков находился похожий на строительный вагончик подвижной дизель-генератор. Поскольку матерая полевая крыса вроде меня под огнем бегает без лишнего фасона -- проще говоря, согнувшись в три погибели, -- мне не составило труда засечь двух бойцов, залегших под этим вагончиком и периодически пулявших из автоматов неизвестно куда. Неизвестно куда -- потому, что с этого места ни единой цели увидеть было физически невозможно.

Бог меня уберег -- я не психанул и не наорал на пацанов, первый раз в жизни попавших под огонь. Я ухмыльнулся на все двадцать девять наличных зубов и поинтересовался во всю мощь своих прокуренных легких (иначе не услышали бы):

-- Куда стреляем-то, хлопцы?

Описать их смущение и стыд я не берусь да и не хочу. Этот случай растерянности в бою был единственным на моей памяти в

батальоне, устранен был в рабочем порядке, без дисциплинарных санкций, а посему ценен только в качестве контрастной иллюстрации ко всему предыдущему -- и дальнейшему! ... Площадка зенитного автомата No 2 представляла собой капитальное дерево-земляное сооружение в углу железобетонного забора, связанное из толстого березового кругляка и забутованное речной галькой. Наверх, к автомату, вел короткий мостик-пандус. Тут, под пандусом, я и увидел первого своего раненого в этом бою. Есть в зенитных расчетах такая должность (номер) -- мастер орудийного расчета, т. е. главный механик пушки. Вот механика-то у меня и подстрелили. Рядовой Дмитриев сидел на снарядном ящике, а кто-то, чьего лица я не видел, сноровисто бинтовал ему простреленную выше колена ногу. Я тронул парня за плечо:

-- Как оно?

На бледном, несколько напряженном лице солдата не отразилось ни страха, ни боли, ни каких-то других эмоций. На меня он тоже не смотрел -- только губы шевельнулись:

-- Ничего, нормально.

Эх, сколько раз я слышал это самое "ничего"! Извините, ребята, привал не здесь, а через десять километров -- ничего, командир! Ответный огонь открывать запрещено -- ничего, командир! Хлопцы, жратвы сегодня не будет -ничего, командир! В общем, так: ни враг, ни природа, ни какие-либо другие объективные обстоятельства не в состоянии победить Русского Солдата. Одолеть его может только предательство.

-- Промедолом ширнули?

-- Обижаете, товарищ капитан!

Голос, раздавшийся сзади, и впрямь выражал тихую, но обиду. Да, самый длинный в батальоне дядя, сержант контрактной службы Саша Филатов, имел основания обижаться. Если бы вы прошли школу срочной службы в частях ВДВ так называемого "застойного" периода и маленько повоевали в Карабахе, вы бы тоже обиделись. Бывший десантник, бывший водитель-дальнобойщик, бывший камский браконьер и бывший рыбинспектор, неподражаемый рассказчик, длинный и тощий, как складной метр, дядя Саша мог аккуратно сложить в штабель десяток накачанных бойцов разведвзвода, влепить с трехсот метров пулю в мишень размером не больше сковородки и прикурить сигарету от горящей тротиловой шашки.

Выдернув из-за пазухи бинокль, я уже карабкался на площадку, когда чьи-то железные пальцы вцепились мне в штанину.

-- Не надо, товарищ капитан! Там.....! Поберегитесь!

Я круто обернулся. Простой рядовой боец без малейших

эмоций (и, добавим, усилий) держал меня за штанину, а дядя Саша неодобрительно помавал в воздухе пальцем.

-- Э-э-э, ни к чему бы, товарищ капитан, -- словно мимоходом, заметил Филатов. -- Мы тут как-нибудь сами разберемся, а там, однако, стреляют!

Толковать происходящее можно было по-всякому, и любая трактовка была для меня негативной. Поэтому я ничего трактовать не стал, а постарался максимально кратко пояснить свои действия:

-- Раз там, однако, стреляют, дайте-ка мне, однако, глянуть, откуда они, супостаты, это делают!

Скорее всего, подействовало не объяснение, а юмор, но, так или иначе, мою штанину отпустили, и я, с биноклем наперевес, задумался над смыслом жизни, повиснув над забором в сотне метров от вражеских позиций.

А лупцевали по нас хорошо, с чувством, с толком, с расстановкой. Солнышко, клонясь к закату, играло в моей команде, маскируя меня от глаз снайперов в своих лучах и лишая их удовольствия засекать нашу оптику по вспышкам солнечных зайчиков. Дело за биноклем!

Лирическое отступление 4

После вывода батальона из Чечни мне пришлось отчитываться (а иногда и платить) за множество утраченного вооружения и снаряжения. За противогазы, сгоревшие в каптерке, за истлевшие в труху под дождем и солнцем плащ-палатки, за пробитые термосы и исчезнувшие в бездонной прорве госпиталей перемазанные кровью одеяла, в которые кутали отправленных воздухом раненых (и, добавим, убитых). Бог свидетель -- ни единого гвоздя не было украдено, продано и пропито. Потери в оружии составили 1 (один) зенитный автомат, сгоревший в уличном бою вместе с "ЗИЛом"-носителем, и 1 (один) автомат АК-74, принадлежавший убитому зенитчику, сгоревшему в луже бензина под этим "зилом". Офицеры финслужбы бригады, проводившие инвентаризацию, отлично знали все наши обстоятельства и, к их немалой чести, изо всех сил вытаскивали нас из-под лавины консервно-тряпочно-резиновых подозрений и санкций. О том, чего и сколько должно нам родное министерство и родное правительство и как они относятся к расчету по своим долгам -отдельная, ба-а-а-льшая и увлекательная тема! В общем, семь бед -- один ответ: хоть на грош, а со своей конторой я посчитался. Я тщательно оформил и списал, как утраченный в бою, свой верный бинокль. Ей-Богу, уж кто-кто, а он-то заслужил пенсию! Этот бинокль да протертая на сгибах карта-двухсотпятидесятка -- вот и все, что я могу предъявить в

доказательство своего участия в войне. Кроме памяти, разумеется. ... А посмотреть было на что! Прямо передо мной уходила строго на восток широкая асфальтированная дорога, с обеих сторон зажатая границами серых железобетонных заборов: справа -- механического завода "Красный молот", слева -- цементного завода. С цементного нас щедро поливали огнем из окон административного корпуса и из огромного склада-ангара, когда-то крытого гофрированной жестью, но ныне, с помощью артобстрелов и мародеров, превратившегося в жуткое нагромождение балок и жестяных лохмотьев. Даже такие патентованные извращенцы от искусства, как Шагал и Пикассо, не могли бы сочинить ничего, подобного этому бывшему ангару.

Но особенно ожесточенно, взахлеб, стрелял большой, элегантный цех завода "Красный молот". Во главе угла цеха, выходящего на нас, находилась прочная четырехэтажная железобетонная коробка -- административный отсек. Дистанция по прямой от него до нашего штаба составляла не более семидесяти метров, до огневой зенитного расчета No 2 -- пятьдесят пять -- шестьдесят. Вот в этой-то, можно сказать, естественной крепости и засели самые отчаянные вояки Хаттаба.

-- Вон он, гад, на четвертом, -- деловито прокомментировал мои наблюдения Филатов. -- И еще бригада гранатометчиков на крыше. И автоматчики в каждой дырке.

Так оно. Справа от угла, на четвертом этаже, в глубине -- в глубине, не на виду, мать его! -- комнаты сверкала характерная вспышка, сопровождаемая звонким, с металлическим лязгом, грохотом пулемета ПКМ. Где-то там же, судя по звуку, работали, как минимум, двое снайперов, вернее, двое стрелков с СВД, потому что снайпер делает один труп двумя, максимум -- четырьмя пулями, а я, черт возьми, все еще был жив. И не только я.

Комментарий 1

Тут требуется небольшое -- не лирическое -- отступление. Слова у нас, до важного самого, в привычку входят, ветшают, как платье. Тут В. В. Маяковский не ошибся: девальвация слова и эрозия его этимологии в наше время достигли катастрофических величин. "Снайпер" в переводе с английского означает "стрелок по бекасу", причем генезис слова предполагает еще более конкретную формулировку -- стрелок по бекасу пулей, пулей -- не дробью! Бекас много меньше голубя, но много проворнее воробья. Но и это еще не все: бекас -- единственная из птиц, выполняющая на взлете тактически грамотный противозенитный маневр: сложный зигзаг с изменением курса и высоты. Не верите мне -- прочитайте великолепный роман Лена Дейтона

"Бомбардировщик", там британский тяжелый бомбер именно так уходит от преследования германского ночного истребителя.

А теперь представьте себе стрелка, способного пулей, выпущенной из гладкоствольного охотничьего ружья, влет поразить быстро и активно движущуюся мишень размером с кофейное блюдечко на дистанции 30-- 50 метров БЕЗ оптического прицела. Представили? Вот это и есть снайпер. Может такой стрелок промахнуться из великолепной нарезной винтовки с оптическим прицелом по практически неподвижной цели с дистанции в 60 метров? Нет, не может! Черт побери, я, в конце концов, не мазал и с 500 метров. А если промахивается -значит, он не снайпер. Мне повезло -- я дружил и убивал с настоящими снайперами, я имел возможность сравнивать. Так вот, вся общесоюзная болтовня СМИ о сверхметких чеченских снайперах укладывается, как в портсигар, в четыре слова: стреляющий из-за угла. У этой темы есть подраздел -- баллада о "Белых колготках". Увы, нет времени и места; о снайперах и снайперских чудесах -- как-нибудь в другой раз. Я-то на что тратил бумагу? А на то, что бандиты -- никудышные стрелки. Кто бы их ни учил. Сколько бы им ни платили. Я даже знаю, почему. И когда-нибудь это объясню.

Справа от меня пушкари в это время споро, но без лихорадки "раздевали" автомат. Я сунул бинокль на место и не без облегчения нырнул под защиту забора.

-- Что с пушкой-то? -- процедил я сквозь сигаретный фильтр, сосредоточенно прикуривая.

-- Попали, ублюдки. -- Филатов огорченно цыкнул зубом. -- В лафет и в правый автомат. С одним-то рабочим стволом много не настреляешь!

Что верно, то верно: при стрельбе одним стволом из-за несимметричности отдачи установку с каждым выстрелом все больше разворачивает в сторону рабочего автомата. И вновь я мысленно снял кепи перед бойцами: кромка забора перед ними исходила пылью и бетонной крошкой от частых ударов пуль, трещало и топорщилось щепками дерево, дребезжало и гремело железо, а второй зенитный расчет орудовал на пушке сноровисто и грамотно, как будто прошел с боями, как минимум, от Курска до Берлина. Их нечему было учить, учить ученого -только портить.

-- Саша, клоун с пулеметом -- на твоей пролетарской совести! И башкой без нужды над плечами не размахивайте. Я -- в "сундучок на колесиках", оттуда -- на минометную огневую. Не забывай, пиши!

-- Непременно, командир! Заказным!

Направляясь вдоль забора к КШМ -- командно-штабной машине на базе ГАЗ-66, действительно -- ни дать, ни взять, сундуку с антеннами, я неожиданно наткнулся на своего доброго знакомого, замполита третьей роты капитана Ламбина. На должности он находился аж целую неделю, будучи выдран по продразверстке с одной из режимных комендатур ядерного объекта. После драконовских мер по обеспечению стерильности и дамочек-контролерш Ламбин безо всякого перехода очутился в траншее с "калашниковым" в руках и в компании отнюдь не питомцев школы с гуманитарным уклоном. Надо отдать ему должное -- мужиком он оказался что надо, ухитрился даже не растеряться в первом бою, упавшем ему на голову, как ведро с белилами в фильмах Чарли Чаплина. С печатью философского смирения на лице (как-никак, марксист) Ламбин заколачивал в магазин патроны.

-- Как дела, комиссар? -- заорал я во все горло, во-первых, чтобы перекричать канонаду, а во-вторых, от удовольствия видеть деликатного, воспитанного Ламбина за настоящей солдатской работой.

Николай Владимирович подарил мне выразительный взгляд поверх очков, став удивительно похож на Папу Карло из ломового детского триллера про деревянного шалунишку и его подельников.

-- Дискриминация, Митрич! Я бы даже сказал, апартеид!

-- Что такое? "Дедушки" обижают? -- удерживая чуть ли не руками рвущийся наружу смех, притворно удивился я.

-- И не говори! Совсем дембеля разбушлатились -- целому капитану пострелять не дают!

Возмущение в голосе Ламбина было столь неподдельным, что удержаться мы не смогли. Раскат хохота перекрыл даже трескотню выстрелов.

-- Чего вы ржете, кони колхозные?! -- Комиссара самого разбирал смех, но он честно выдерживал роль до конца. -- Я, понимаешь, как порядочный, к амбразуре, а они мне -- дескать, не барское это дело, рулите, мол, войной, а насчет пострелять -- мы и сами с усами!

Ох, Владимирыч, не быть тебе четырежды Героем -- Ильич-бровеносец в дивизионном тылу вон как навоодушевлял -- самого Жукова обставил по части "нагрудных гаек", а тебе и приступить, значит, толком не дают!

-- А мы по беспределу, товарищ капитан! -- скалился плотно сбитый сержант, оторвавшись на минуту от амбразуры, чтобы взять у молодого новый магазин и подправить прицел подствольного гранатомета. -- Дедовщину в армии никто не

отменял!

-- Факт! -- Я махнул им рукой. -- Бывайте, мужики! Главное в нашем деле -- ...

-- Не суетись! -- проревели мою любимую присказку пехотинцы.

Ну, разве можно победить таких людей? Крутые парни, крепкие орешки!

В капонир, глубокий окоп с подковообразным валом вокруг, за которым укрылась КШМ, я спрыгивал в весьма приподнятом расположении духа. Поэтому, право слово, почувствовал себя весьма неловко, шагнув в кунг КШМ и увидев за командирским столиком Иванова. Капитан посерел и постарел лет на десять; шутка ли -- принимать первый бой, не имея ни капитальной тактической подготовки, ни полевого опыта, и сразу -- в ответе за целый тяжелый батальон! Я от души возблагодарил Господа за то, что начал войну Ванькой-взводным, а затем напустил на себя туповато-бравый вид, лучше всего говорящий об уверенности в себе, и четко козырнул:

-- На батарее и в третьей роте все путем! Я только что с позиций -мужики бьются, как львы, только бесхвостые. Ничего, что я с сигаретой?

Я знал, что Иванов не курит, поэтому мой невинный вопрос, как и кирзовый юмор, были "красной селедкой" -- приманкой, чтобы отвлечь командира и ослабить то нечеловеческое напряжение, в котором он находился.

Иванов кривовато улыбнулся. Высокообразованный человек, опытнейший педагог, он меня, скорее всего, раскусил, но цели своей я-таки добился.

-- Спасибо, Дмитрич. -- Иванов потер лицо ладонью. -- Как люди?

Ай, молодец! Профи! Вождь! Не надо шар земной переворачивать и Америку открывать -- выслушай доклад своего офицера, спроси его о том, что его самого сильней всего щемит, кивни головой -- и ринутся подчиненные исполнять свои здравые задумки, как твой собственный, гениальный, непререкаемый приказ! И голову за него положат, да не по присяге -- вдохновенно и самоотверженно! Одно только маленькое условие: выслушай так, чтобы он поверил в необходимость и ключевую важность своего сообщения, спроси так, чтобы умереть или воскреснуть от его ответа, кивни так, словно твой кивок -карт-бланш и индульгенция одновременно. И не сыграть все это нужно - пережить.

Капитан спецвойск МВД Олег Иванов это сделал.

-- Одного подстрелили, в мякоть. -- Я плюхнулся на сиденье.

-- Что говорят вожди в Ханкале?

-- Да что они могут сказать? -- Командир презрительно махнул рукой.

-- Ну как что, -- невозмутимо пустил я дым через ноздри. -- Удар "воздушной кавалерии", десант спецназа или рейд стратегических бомбардировщиков, а?

Иванов посмотрел на меня, явно сомневаясь в моей вменяемости, но понял, что я, по обыкновению, вышучиваю ситуацию, и вызывать санитаров не стал.

Я вкратце обрисовал ему обстановку.

-- В основном работают с автобазы и заводских корпусов, но гаражи от нас в двухстах пятидесяти -- трехстах метрах, а до цехов рукой подать, да и скучились там правоверные. Считаю нужным работать всем минометным взводом в одни ворота, то есть попеременно по каждому цеху. Автобаза не так опасна.

-- Действуй, Дмитрич, -- кивнул Иванов. -- Если что -- сразу доклад.

Выйдя из кунга, я еще с минуту постоял в тени высокого бруствера. С Олегом нам определенно повезло! Будь на его месте псих, неврастеник, да просто неуравновешенный человек, -- не сносить бы нам голов, как было в Отдельном милицейском полку нашей же бригады. В нашем положении определяющими победу факторами были выдержка и хладнокровие -- Иванов обладал ими в полной мере!

Прежде чем снова сквозануть через плац на батарею, я не смог устоять перед искушением "зайти в гости" к своему закадычному другу, командиру взвода братской третьей роты, оборонявшему, согласно боевому расчету, здание штаба. Вот кому доставалось-то! Полежать несколько часов с биноклем в укрытии и вычислить в лагере штабной барак или палатку -- плевое дело, что бандиты и выполнили, обрушив на двухэтажную кирпичную коробку лавину огня. Резон понятен: в первые же секунды боя выбить командиров, нарушить управление боем. Да вот ведь незадача: мозг-то батальона находился к тому времени в надежно защищенной КШМ, а в здании штаба скрытно засели сорвиголовы старшего лейтенанта Михаила Червонного, а в самодельном каменном бастионе на крыше -- хладнокровные, как удавы, и бесстрашные, как берсерки, бойцы взвода автоматических гранатометов "пламя", оперативно входивших в состав моей батареи.

Если Ламбин попал на войну "на халяву", то Михаил Червонный (век свободы не видать, такая уж звонкая фамилия у человека!), можно сказать, удостоился "халявы в кубе". По жизни его интересовали две вещи: блюз и винь-чунь. С целью избежать

обвинений в тунеядстве и кретинизме Миша с успехом окончил Новосибирский лесотехнический институт с военной кафедрой и -- ушел в первый нокдаун: его, человека сугубо мирных наклонностей, соло-гитариста и вдребезги даоса, законодательным порядком призвали в армию, да не просто в армию, а в очень армию, т. е. повесили на плечи по две звездочки и поставили во главе взвода лоботрясов-вэвэшников. Будучи прирожденным офицером и джентльменом, он не смог выполнять свои обязанности плохо и в результате, не успев опомниться, получил третью звездочку и предписание убыть на формирование оперативного батальона, предназначенного для Чечни. На лице его, казалось, намертво застыло выражение: Вот-Ничего себе-Сходил в булочную! Тем не менее инженерный подход к делу, вбитый в него техническим вузом, плюс даосское отношение к невзгодам и природный юмор позволили ему стать первоклассным офицером, способным дать сто очков вперед многим кадровым военным.

То, что я застал на втором этаже штаба, заставило меня мгновенно исчезнуть в ближайшей тени. Я не узнавал помещений: там, где должен был быть коридор с примыкающими к нему кабинетами, привольно гулял ветер, перемежая клубы кирпичной пыли с пороховой гарью. Сквозь густую пылевую завесу угадывались контуры довольно большого помещения, которого раньше здесь не было. Свет врывался тремя мутными потоками сквозь неровные проломы, оставшиеся на месте заложенных кирпичом окон. Вместе со светом внутрь влетали также пули и прочие малоприятные гостинцы.

-- Товарищ капитан, поберегитесь! Вон туда, за кирпичи!

Вот уж в чем, в чем, а в кирпичах недостатка не было. Все легкие перегородки под огнем противника превратились в неряшливые кучи кирпича, которые в мгновенье ока были преобразованы матерыми русскими солдатами во внутренние брустверы, повышающие живучесть пехотинца под огнем в оборонительном бою.

В углу такого экспресс-бруствера я и нашел старшего лейтенанта Червонного.

Миша флегматично покуривал, время от времени осторожно поглядывая то в одну, то в другую амбразуру. Уже зная заранее ответ, я не удержался от соблазна подколоть товарища:

-- Господин поручик, а как насчет "личным примером", а?

Миша с недоумением посмотрел на меня, потом на висевший под локтем автомат, словно соображая, что это такое и откуда взялось, потом пожал плечами.

-- Дмитрич, я вообще не пойму, что я здесь делаю. Сам

смотри, как, по-твоему, им нужен поводырь или нет?

Рядом с нами перебрасывались короткими деловыми фразами два бойца в полном боевом снаряжении: хорошо подогнанных бронежилетах, шлемах СШ-40, самодельных разгрузочных сбруях для боеприпасов. Мысленно я самодовольно ухмыльнулся. Дешевые понты насчет ненужности касок и бронежилетов я, помнится, выжигал каленым железом еще в тренировочном лагере под Новочеркасском. Неизвестно откуда взятые "рассказы бывалых" (да полно, бывалых ли?) о якобы вреде личной бронезащиты принесли армии больше потерь, чем все чеченские "снайперы", вместе взятые. Статистика -- наука неопровержимая, поскольку оперирует только математическими параметрами: применение стальных шлемов в 1915 году снизило количество ранений в голову в британской армии на 70% -- в три раза. Эта цифра не изменилась со времен Первой мировой войны и вряд ли изменится. Применение личной брони снижает потери в 4-- 5 раз, в зависимости от типа брони. Мы носили отличную броню типа "Кираса-5М", неуязвимую для пуль АКМ и АК-74 и даже винтовочных пуль при стрельбе со средних и больших дистанций.

-- Второй этаж, крайнее левое окно, -- бросил, не оборачиваясь, старший боец -- стальная башня, укрытая доспехами до бровей. -- Я давлю, ты бьешь из подствольника! Готов?

-- Угу, -- немногословно кивнул второй номер.

Все это происходило в глубине комнаты, за наваленным кирпичным бруствером. Старший скользнул вдоль стены к амбразуре и, не выставляя наружу даже кончика ствола, коротко нажал на спуск. Очередь! Вторая! Третья! Хочет того засевший напротив бандит или нет, прицельный колючий огонь заставил его занервничать, ответные пули дуриком сыпанули вокруг амбразуры, и второй боец получил необходимое для наводки гранатомета время. С характерным полусвистом-полухлопком сработал ГП-25, и из намеченного мишенью окна рвануло дымом и пылью. Ребята немедленно укрылись, и вовремя: ожесточенно захлопал станковый пулемет бандитов, норовя добраться до смельчаков Червонного. Патронов не жалели -- пули пачками втыкались во внутреннюю переборку, высекали фонтанчики пыли из подоконников, рвали косяки и прыгали рикошетом по бетонному полу. В ответ с крыши штаба заработал наш автоматический гранатомет, рыкнули бронебойщики, но подавить бандитский станкач никак не удавалось, а лент у воинов ислама, судя по всему, было немеряно -- с такой щедростью они их разбрасывали.

Удар! Было даже удивительно, откуда в расстрелянной комнате уцелело столько штукатурки: так много ее посыпалось сверху. Еще удар! Стреляли из противотанковых гранатометов, и бародинамические удары, казалось, выколачивали мозги из головы прямо через уши. На секунду я оглох, но уже в следующий момент все звуки перекрыл знакомый рев зенитной установки. Там, где находился пулеметный расчет духов, вспухал непроницаемый клуб дыма и пыли, пронизанный ржаво-красными вспышками разрывов...

Лирическое отступление 5

Моджахеды-пулеметчики, слов нет, свое дело знали неплохо -- мне совсем не стыдно признать за противником мастерство, если оно есть. Во внутренней поперечной перегородке, расположенной перпендикулярно капитальной стене, бандиты пробили очень небольшую -- диаметром с чайное блюдце -- амбразуру, а позади нее на конторском столе установили станковый пулемет ПКМС, стрелявший поверх подоконника капитальной стены. Таким образом, пулеметчики убивали двух зайцев: их защищали две стены -- внешняя капитальная и внутренняя разделительная -- и маскировалось их местоположение, т. к. огонь велся из глубины помещения, из тени. Поэтому-то оказался безрезультатным обстрел этой точки из АГС-17 и подствольных гранатометов: влетая в комнату через окно, они рвались внутри, не в силах пробить внутреннюю перегородку, т. к. фугасное действие ствольных гранат ВОГ-17 и ВОГ-25 невелико, а бронебойное вообще равно нулю.

И все же мы их сделали, не мытьем, так катаньем. В темпе заменив на зенитке ствол и пару деталей затвора, ребята врезали по пулемету прямой наводкой. Снабженная оптикой пушка не уступает в точности снайперской винтовке, а что касается пробивного действия, то бронебойный снаряд БЗТ преграду в один кирпич просто игнорирует. Абреков искрошило вместе с пулеметом. Судя по тому, сколько мы потом выгребли оттуда снаряженных, готовых к стрельбе пулеметных лент, мюриды собирались вколотить в каждого из нас по полпуда свинца. Погорячились... ... Ладно. Делу -- время, потехе -час. Тем же маршрутом я затрусил обратно. Мать честная! Видимо, оттого, что я более-менее успокоился, я на этот раз замечал по дороге гораздо больше деталей. Плац был просто засыпан тускло-блестящими алюминиевыми стабилизаторами осколочных гранат ПГ-9. Между ними там и сям валялись искореженные хвостовики бронебойных гранат от того же гранатомета, обломки гранат ПГ-7 и неразорвавшиеся выстрелы от подствольников. Два железобетонных блокгауза на крышах высоченных двухэтажных

гаражей -- огневые позиции АГС-17 -- выглядели так, будто их долго и с наслаждением пинали, хотя и без особого успеха. Листы жести и толя, прикрывавшие их сверху от непогоды, топорщились лохмотьями, сложенные из блоков-бордюрин стены были испещрены ожогами разрывов. Внутри блокгаузов кровью было залито все, от оружия до мундиров. И тем не менее обе огневых жили, короткими жестокими очередями затыкая глотки бандитам. Я выглянул из-за угла гаража проверить, куда бьет второй блокгауз -- ему пришлось, судя по всему, хуже всего. Хлопцы методично расстреливали заводскую проходную и жестяной забор слева от нее, откуда перемигивались вспышками выстрелов бандиты. Очередь! Проходную затянуло дымом. В следующую секунду реактивная граната врезалась в стену где-то довольно близко от меня, потому что от ушей не осталось ничего, кроме звона, а перед глазами заплясали белые мухи. Падать было поздно: все осколки уже пролетели и, похоже, мимо.

Вытряхнув звон из ушей, я коротким броском достиг минометной огневой. Там жизнь била ключом; на площадке "чайханы" зенитный расчет с бешеной скоростью заколачивал в ленты длинные зеленые бутылочки 23-мм снарядов. Выглядит это так: на лоток заряжающей машинки кладется лента, один боец, поплевав на руки, берется за рычаг прибойника и быстро-быстро качает его вперед-назад, поливая потом и матом и снаряды, и врагов, а второй знай подбрасывает на подающий лоток снаряды из жестяной банки. Тридцать секунд -лента (50 снарядов) готова. Рядом тем же самым занимались пехотинцы из роты Манжурова; только заряжающая машинка системы Ракова для пулемета ПКМ больше похожа на мясорубку, а не на ручной бензонасос: патроны сыплют сверху в раструб, а сзади крутят ручку, как при накрутке фарша. Вот только жрать тот фарш предстоит врагу, и переедание, как правило, смертельно.

Наверху лязгала зенитка, сшибая кирпичи и душманов то с гаража, то с ангарного цеха, а в бочкообразных минометных окопах звонко ухали "русские Стоксы"*. Артиллеристы орудовали на огневой, как черти, с той особой лихостью, которая дается только в награду за мастерство и верность Правому Делу; это -- сплав умения, отваги и готовности к смерти, древняя славянская боевая ярость, что медленно разгорается, но, разгоревшись, сметает врага в преисподнюю волной ледяного голубого пламени. Я был там, я видел это, и, черт побери, я знаю, что говорю.

-- Как оно?

-- Нормально, товарищ капитан! -- На Косте Суранове красовался бронежилет внакидку на голый торс, в зубах -- сигаретка. -- Малышу вот ногу прострелили, но ничего, несильно!

-- Лады, мужики! Наша ломит! Век свободы не видать, мы их сегодня уделаем, как Бог черепаху! -- рявкнул я, доставая бинокль и устраиваясь на бруствере. Бойцы проорали в ответ что-то нестройное, но восторженное, и мы в три ствола начали рассаживать заводоуправление и "Красный молот". Спустя какое-то время я краем глаза (смотрел-то в основном в бинокль) заметил движение слева. Очередной разрыв вражеской гранаты -- и в траншею свалился, волоча за собой ящик с минами, заряжающий второго расчета. Выглядел он вполне нормальным, только слегка ошалевшим. Крышка ящика сорвана, заряд основной, взрыватель -- на фугас, огонь!

-- За комбата, сволочи! За Сову! Получайте! -- ревел боец, с предельной скоростью швыряя в ненасытное дуло мину за миной.

Из-под перекрытия траншеи вдруг мячиком выкатился плотный рыжий ефрейтор, санинструктор батареи Юра Перфильев. Правой рукой, как клещами, он молча вцепился в плечо заряжающего, а левой резко что-то дернул -- и в ладони у него оказался черный осколок гранаты, размером с бритвенное лезвие и почти такой же острый, пробивший солдату бронежилет между титановыми пластинами и на излете воткнувшийся в ребро. Парень в горячке боя даже не заметил этой раны. Так вы думаете, он ушел в санчасть? Черта с два: Перфильев зашпаклевал ему рану, и миномет снова загрохотал на всю катушку.

Лирическое отступление 6

... Вот вам, господа, и очкарик! Хотел бы я посмотреть на бойца, которому пришла бы в голову неумная мысль обидеть невысокого, флегматичного очкарика -- Юру Перфильева. Хладнокровию и профессионализму этого простого солдата срочной службы мог бы позавидовать бывалый фельдшер "скорой помощи". Незадолго до описываемой свистопляски я, с проста ума, подъехал к начальнику батальонного медпункта, чемпиону мира, чемпиону Олимпийских игр по велоспорту, капитану медслужбы Евгению Колечицкому с предложением: провести с санинструкторами подразделений цикл занятий по оказанию первой помощи при огнестрельных и рваных (осколочных) ранениях и переломах. Женя только почесал бороду:

-- Митрич, кто бы суетился! Твоего Перфильева учить -- только портить. Ему пора хирургическим медбратом работать, а он у тебя на санинструктора разменивается. ... А потом ссыпался в минометную "бочку" ефрейтор Корниенко, разведчик-наблюдатель из отделения артиллерийской разведки и самый меткий стрелок-автоматчик в батарее, из тех полусказочных ребят, что пулей бекаса на взлете валят (кроме шуток, у нас есть

и такие). Левая ладонь его превратилась в карикатурную лягушачью лапу: нелепый лохматый пятиугольник, сочащийся густой кровью и матово белеющий оголенными костями. Недурное зрелище для кого угодно! Юра поправил на носу очки, критически осмотрел это кровавое месиво, руками развернул голову Корниенко к стене окопа и принялся за дело:

-- Это -- заживет, это -- лишнее, это тебе вообще не понадобится, а это просто туфта, с такой херней к косметологу, а не ко мне...

Угадайте с трех раз, куда отправился Корниенко после перевязки? Правильно, вы выиграли сигару! Само собой, на огневую. Спустя три недели его левая кисть была в полном порядке -- и это благодаря экспресс-операции, проведенной рядовым бойцом с помощью скальпеля и хирургического зажима буквально "на колене" в окопе, под гром выстрелов и перезвон стреляных гильз!..

Понимаете, это две большие разницы: читать о подвигах наших дедов во Второй мировой и быть свидетелем этих (таких же) подвигов лично. То, что было пятьдесят лет назад -- о, это да, это вроде легенды; тогда и горы были выше, и реки шире, сахар -- слаще, люди -- крепче! Куда же нам до них?! А тут вот оно: твои ребята, не святые, от сохи, от станка, из-за парты, -- и сражаются, как дьяволы, и подвиг для них -- плевое дело, просто самое обычное, как чистка оружия или помывка в бане. Я не преувеличиваю -- они в упор не видели своего героизма. После боя они смаковали особенно удачный выстрел, чесали в затылке, удивляясь тому, как умудрились уцелеть, смеялись до слез, вспоминая хохму, которую кто-то сгоряча отмочил под обстрелом, -- и никто никогда ни словом не обмолвился: а вот, мол, тот-то -- герой! Какой, мать вашу, подвиг?! О чем вы?! Пальнул метко, слов нет. Вовремя пальнул. Так это не подвиг; подвиг -- это... ну, в общем, подвиг -- это подвиг! А мы-то что -- мы солдаты! Это -- наша работа, наше дело -- дело чести, гладить нечисть против шерсти, а иначе нашим пушкам -- грош цена...

Быстро темнело: широты южные, солнце катится за горизонт, как с горки на салазках. С наступлением сумерек картина боя стала еще более грозной и восхитительной. Батальон опоясался цепочкой трепещущих вспышек, и вереницы трассирующих пуль, которыми осыпали друг друга противники, создавали иллюзию, будто звезды сошли с ума и полосуют небо неровными телеграфными строчками. Зенитные автоматы при стрельбе извергали сплошные струи огня, которые по мере удаления разрывались на длинные острые тире, черточки и наконец на белые точки.

А рядом со мной звонко ухали минометы. В миномет я, грешным делом, влюбился при первом же с ним знакомстве. Миномет примитивен, как кувалда, и так же смертоносен в опытных руках. Его можно мгновенно раскидать на детали и без труда взгромоздить на крышу дома, замаскировать на лестничной площадке, упрятать на опушке леса, на болоте, в густой траве, можно, наконец, в отличие от пушки, закопать в землю по самое дуло (что мы и сделали), словом, было бы четыре квадратных метра устойчивой поверхности -и "Стокс-Брандт 1917 года" будет рвать врага на куски своими корявыми стальными зубами!

Вскоре я побывал на объектах, ставших нашими мишенями в этот приснопамятный день. Вот один из них, вернее, даже фрагмент одного из них: административный блок "Красного молота", лестничная коробка. На верхней площадке -- дыра в перекрытии, кровью залито буквально все, словно сумасшедший мясник черпал кровь ведрами и с размаху плескал ее на стены. Валяются какие-то непонятные сморщенные клочья, тряпки, пропитанные кровью, гильзы и осколки. В углу -- хвостовик от мины (они всегда остаются почти целенькими). Поток крови стекает по ступенькам вниз, а вся стена изукрашена брызгами и, что впечатляет больше всего, -- четкими кровавыми отпечатками правой ладони. Кровавые пятерни спускаются, спускаются... На площадке второго этажа отпечаток заканчивается смазанной кровавой полосой сверху вниз, наискосок, безобразная кровавая лужа, и -- все. Как говорится, аллес капут.

Противник начал сдавать -- это было заметно. Обстрел из гранатометов почти прекратился, автоматно-пулеметный огонь сделался реже и как бы менее настойчивым. Что-то меня беспокоило, какая-то недодуманная мысль. Я взглянул на часы: так вот же оно! Шестой час! Самая пора правоверным сматывать удочки, раз не выгорело: своих жмуриков они всегда, при любых обстоятельствах, старались хоронить по шариату, т. е. в кратчайший срок, желательно -- до восхода солнца. И понял я, что сейчас, именно в этот момент, боевики отходят с огневых позиций, основные уцелевшие огневые средства уже свернуты, а огонь ведут лишь небольшие силы прикрытия. Где сосредотачиваются отходящие бандиты, лично у меня сомнений не было: давно уже продумал и просчитал и на карте, и на местности. Я решал эту задачку так, словно сам был главарем бандитской шайки и должен был увести своих подельников после налета на лагерь русских гяуров. Главарь напавших на нас негодяев, иорданец Хаттаб, международный террорист, ученик и правая рука легендарного палестинского бандита Абу-Нидаля, был, безусловно, толковым командиром, иначе вряд ли достиг бы

тех высот, которые он занимал в бандитской "табели о рангах"; это вам не армейская бюрократия, "волосатой лапой" и искусством шестерить в террористических кругах не поднимешься. Поэтому я ни секунды не сомневался, что задачу отхода мы с Хаттабом решили одинаково. Я перенацелил минометы и галопом рванул к штабу, так как видеть разрывы мин в указанном мною месте и, следовательно, корректировать огонь можно было только с его крыши, из блокгауза гранатометов "пламя".

Снова бросок через бетонный плац. Добежав до недостроенной трансформаторной будки, оккупированной под общежитие офицерами роты Манжурова, я присел под ее кирпичной стеной перевести дух и осмотреться. И надо же такому случиться: именно в этот момент и засияла над городком очередная осветительная ракета! Светло -- хоть газету читай. За продолжением дело не стало: не успел померкнуть проклятый свет, как с той стороны устремились точно ко мне две красные точки. Короткая прицельная очередь: два патрона. Второй, естественно, чуть выше первого. Все событие длилось примерно 0,3 секунды -- столько нужно автоматной пуле, чтобы пролететь 300 метров. Первая -- та, что шла ниже, -- вдруг зашаталась, как пьяный велосипедист, и кувыркнулась мне под ноги, а вторая сухо щелкнула в кирпич в паре сантиметров над моей головой. Вот и не верь после этого в Бога: бракованный патрон с негодным порохом или пулей пришелся как раз на тот первый, точно нацеленный выстрел. А исправный -- на второй, когда отдача слегка подбросила вверх ствол бандита. Такие дела.

Я потом долго пытался отыскать в траве ту, первую пулю. Не нашел. И вот что до сих пор не дает мне покоя: зачем Бог сохранил мне в тот раз жизнь? В принципе, она мне практически ни к чему: после увольнения в запас я не вижу в ней абсолютно никакого смысла. А смерть была бы классная, на загляденье: пуля в голову -- да что может быть лучше для мужчины и солдата?! Убитый в схватке с врагом воин попадает в рай автоматически, это постулат любой религии мира. Так, черт побери, лучше, чем от водки и от простуд. Я в расчете с Родиной и с самим собой, я ни черта никому не должен! Неужели Богу еще что-то надо от меня в этой жизни?! И если да, то что, черт возьми, что?!

Короче, на прощание мы всыпали "чехам" по первое число. А вскоре стрельба окончательно смолкла. И наступила совершенно особенная тишина, как всегда бывает после боя: тишина, которую не сразу решишься нарушить. Ее слишком долго ждешь, и, как правило, она слишком дорого стоит.

Я стоял на бруствере и курил, когда ко мне подошел

Манжуров. То ли призрачный свет звезд, то ли напряжение прошедшего боя сделали его еще более похожим на скелет, чем обычно. Впрочем, я сам наверняка выглядел так же. Васильич постоял, сунув руки в карманы и жуя спичку, а затем негромко спросил:

-- Дмитрич, выпить хочешь?

Я навострил ухо.

-- Интересное кино, господин штабс-капитан! Ты же не пьешь?

Васильич пожал плечами:

-- Я и не пью. Но как раз намедни я, что характерно, конфисковал у своих три банки водки. Ты как?

-- Было бы нелепо отказываться, -- хмыкнул я. -- Дают -- бери, а бьют -- беги! Батарея -- ОТБОЙ!

Ибо в артиллерии бой считается законченным не после команды "прекратить огонь", а именно после этой -- отбой! От боя, значит. Так-то.

И я забрал у Манжурова три банки "Асланова", и одну мы тут же скушали на пару с Мишкой Червонным, а с двумя другими я совершил грубый должностной проступок: пришел на батарею и пустил их по кругу среди бойцов. Знал: не напьются. И не потому, что водки мало -- если солдат захочет, он всегда достанет. Просто пьется водочка после боя -- как вода.

1999 г.